

Текст: Василий Авченко

ОЧАРОВАННЫЙ СТРАННИК

ПЯТЬ ИПОСТАСЕЙ «ЧЕЛОВЕКА ОТ БОГА», ЧЬИ КНИГИ, ВЗГЛЯДЫ И СУДЬБА НЕДОПРОЧИТАНЫ

О

Он брался за все науки сразу, даром что времена Леонардо

и Ломоносова давно прошли, а у него самого за плечами было только двухлетнее пехотное училище. Он не был первопроходцем, но по-настоящему открыл для России и мира Уссурийский край. Его имя — Владимир Клавдиевич Арсеньев.

Офицер, путешественник, ученый широчайшего профиля, незаурядный прозаик.

ПИСАТЕЛЬ

Книгами Арсеньева восхищались Горький, Пришвин, Нансен. Но книги эти, как справедливо говорил Александр Фадеев, бывший приморский партизан и внимательный читатель Арсеньева, — не для всех.

Арсеньев писал на стыке литературы и науки (причем брался за все науки сразу — археологию, этнографию, ботанику, географию, орнитологию, истнологию, лингвистику). Чтение его текстов, изобилующих пространными описаниями и грозными терминами, включая латинские, — занятие непростое. Так что едва ли ошибемся, если скажем, что Арсеньев недопрочитан. Даже знаменитые, казалось бы, книги «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала», посвященные походам по Приморью 1906 и 1907 годов и обращенные к широкому читателю, недоосмыслены.

Слишком часто Арсеньева норовят поместить в тесную для него нишу регионального краеведа...

А ведь он — писатель неповторимый и единственный в своем роде. Книжки его — вовсе не полевой дневник, прошедший редактуру. Арсе-

нцев серьезно работал над текстом, учился у русских классиков. Сохраняя фактическую основу, беллетризовал своих героев (литературный персонаж Дерсу Узала, судя по свидетельствам спутников Арсеньева и дневникам самого путешественника, имеет ряд отличий от своего главного прототипа — гольда, то есть нанайца, по имени Дэрчу Одзэл). Уникальность его книг — в синтезе документа, изящной словесности, личного опыта. Перерастая документальность, Арсеньев восходил к вершинам философской прозы. Строгий, даже педантичный наблюдатель — и в то же время вдохновенный лирик, романтик, очарованный странник. Этика, философия, экология — вот глубинные пласты арсеньевской прозы, которые делают наследие Владимира Клавдиевича современным, важным и нужным.

Горький писал ему: «Вам удалось объединить в себе Брема и Фенимора Кулера — это, поверьте, неплохая похвала». Пришвинский Лувен из «Женьшеня» прямо наследует арсеньевскому Дерсу.

ЭКОЛОГ

Еще в 1906 году, задолго до экологической бум, когда многим казалось, что тайга неисчерпаема, Арсеньев ставил вопрос об охране природы, необходимости «охотничьего закона», усилении борьбы с браконьерством. Цитата: «Какой эгоист человек! Какое он хищное животное! ...И он еще осмеливается называть себя царем Земли, царем природы. Нет, он бич земли».

Типичный для Арсеньева эпизод: отряд спустился изобрей, солдат хочет стрелять, но Арсеньев его останавливает. Так же вел себя и таежник Дерсу. «К охране природы, к разумному пользованию ее дарами этот дикарь стоял ближе, чем многие европейцы, имеющие претензию на звание людей образованных и культурных», — пишет Арсеньев, которого можно считать одним

*1
Таким запомнился.
1927 год.

*2
Семья Арсеньевых.

КАКОЙ ЭГОИСТ ЧЕЛОВЕК! КАКОЕ ОН ХИЩНОЕ ЖИВОТНОЕ! И ОН ЕЩЕ ОСМЕЛИВАЕТСЯ НАЗЫВАТЬ СЕБЯ ЦАРЕМ ЗЕМЛИ, ЦАРЕМ ПРИРОДЫ. НЕТ, ОН БИЧ ЗЕМЛИ.

ВЛАДИМИР АРСЕНЬЕВ

*3
Перед выходом на маршрут. Слева направо: Владимир Арсеньев, Дэрчу Одзэл (Дерсу Узала), стрелок Иван Фокин и глава дружины по борьбе с хунгузами Чжан Бао. 1907 год.

из первых российских экологов. И насколько же он отличался от своего предшественника Пржевальского, которого бы сейчас попросту осудили за браконьерство в особо крупных размерах, узнав о его «погромах» в Уссурийском крае!

Эколог в Арсеньеве был неотделим от государственника. Он выступал за выдворение китайских «хищников и браконьеров» — и с 1911 года занялся этим лично, возглавив по поручению приамурского генерал-губернатора Гондатти ряд секретных карательных экспедиций. А когда в 1921 году (Приморье еще находилось под японской оккупацией) встал вопрос об аренде Командорских островов

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ФРИТЬОФ НАНСЕН, ПОЗНАКОМИВШИЙСЯ С АРСЕНЬЕВЫМ В ХАБАРОВСКЕ, НАЗВАЛ ЕГО «ЧЕЛОВЕКОМ ОТ БОГА, СОСТОЯВШИМ В НЕСОМНЕННОЙ СВЯЗИ С ВЫСШИМИ СИЛАМИ»

японской фирмой, именно Арсеньев выступил против. Его в равной степени беспокоит и судьба морских котиков (по инициативе ученого на Дальнем Востоке был создан ряд заповедников), и экспансия Японии.

Ну а Дерсу Узала, «первобытный коммунист», живущий в гармонии с собой и миром и обладающий развитым экологическим сознанием, выступал Стаalkerом, который вел Арсеньева по загадочной Зоне и расшифровывал сигналы одушевленной им природы: то «рыба говорит, камень стреляет», то дерево падает поперек тропы — и всякий раз это что-то значит. Интересно, что Арсеньев — отнюдь не мракобес, а офицер, ученый, воцерковленный человек — постепенно начал верить во всю эту мистику: в таежном монастыре — свой устав, да и приметы Дерсу странным образом сбываются. Арсеньев даже описал свою встречу с «летающим человеком», местным йети, на юге Хабаровского края...

Случайно ли Фриттьоф Нансен, познакомившийся с Арсеньевым в Хабаровске, назвал его «человеком от Бога, состоявшим в несомненной связи с высшими силами»?

Тайгу Арсеньев сравнивал с храмом.

ГЕОПОЛИТИК

Можно сказать, что Арсеньев завершил начатое путешественниками и дипломатами XIX века приращение юга Дальнего Востока к России, прописав этот «конец географии» в литературе. Ведь по-настоящему освоенной становится только та земля, которая оживлена в слове, переплавилась в художественные образы.

Из работы 1914 года «Китайцы в Уссурийском крае»:

«Вопреки весьма распространенному, но ни на чем не основанному мнению, что китай-

цы будто бы владели Уссурийским краем с незапамятных времен, совершенно ясно можно доказать противное: китайцы в Уссурийском крае появились весьма недавно».

Арсеньев доказывает: Приамурье и Приморье до середины XIX века китайцев не интересовали вовсе, только приход русских заставил посмотреть в эту сторону. С русскими в конце 1850-х на юг Дальнего Востока пришло российское государство; китайское государство не приходило сюда никогда. И пророчески звучат предостережения Арсеньева о грядущих конфликтах с Японией, которые прозвучали в его докладе 1928 года для Далькрайкома ВКП(б):

«Стремление Японии безраздельно хозяйничать в Маньчжурии и выйти на Амур не мечта, не фантазия и не призрак, а вполне конкретное явление. Конечной целью японского импери-

*4
Докладная записка
подпоручика
Арсеньева о переводе
на Дальний Восток.
10 января 1900 года.

*5-7
Наследие.

*8
Директор
Гродековского музея
Арсеньев в костюме
охотника-ороча.

*9
Рукописная карта,
составленная
в ходе экспедиции
1911 года.

*10
В рабочем кабинете.
Владивосток. 1929 год.

лизма является желание отодвинуть нас от берегов Тихого океана».

Арсеньев говорил это еще до оккупации Маньчжурии Японией и появления под боком у СССР государства Маньчжоу-го, до столноуевний с Японией на Хасане и Халхин-Голе, до начала работы Зорге в Токио, до развязывания Японией большой войны в Китае...

Геополитический прогноз Арсеньева во многом сбылся. События 1930-х и 1940-х показали: он был не алармистом, а грамотным аналитиком.

ГРАЖДАНИН

Сама жизнь Арсеньева, тип его личности важны никак не меньше его книг: пассионарий, интеллектуал, подвижник, самоучка, ставший ученым всеохватного, леонардовско-ломоносовского типа. Жизнь его — несчастный в России пример того, как человек реализуется путем не покорения, а, напротив, оставления столицы (Арсеньев — петербургский уроженец). Целый, честный, волевой, интеллигентный — китайцы в тайге однажды приняли его за простого писаря, сочтя командиром казака Анофриева, который кричал и ругался. На биваке Арсеньев читал солдатам сказки Пушкина. Для празднования Рождества специально вынул в тайгу хлопущки и золотые орехи...

Пытался попасть на «германскую» войну — не пустили. Из армии окончательно уволился между Февралем и Октябрем в чине подполковника, в братоубийственной Гражданской участвовать не стал. Предложения эмигрировать отклонил, советскую власть принял. Он всегда был государственным человеком и служил России, как бы она ни называлась — царской или советской.

МУЖЧИНА

Мало кто знал, что Арсеньев не обладал железным здоровьем. Его первая жена Анна Кадашевич писала: сразу по прибытии во Владивосток (в 1900 году Арсеньев по его просьбе перевели из Польши в Приамурский военный округ — здесь он и остался навсегда) у молодого поручика «заболели легкие от приморской сырости». Потом перенес сибирскую язву. «Варикоз, радикулит, грыжа... ослабленное сердце... Испорченный желудок... Он стал проситься на Кавказ на курорт, и врачи сразу дали ему вторую инвалидность. Он уговорил не списывать его в трудни, и тогда дали третью группу», — вспоминала Кадашевич. В 1928 году врачи подтвердили инвалидность и утрату трудоспособности: «Сохранена способность лишь к легкой случайной работе».

А он работал, писал, преподавал, ходил в тайгу.

Последние годы жизни Арсеньев провел в состоянии глубокой, как сказали бы мы сегодня,

депрессии. Никогда не жаловался — не тот человек. И все-таки по письмам видно, как сумрачно было у него на душе.

«Я твердо решил совершенно уйти от всякого общения с местной интеллигенцией...»

«Молодежь испорчена, развращена... Мы чужие и посторонние друг другу. Я остро почувствовал одиночество... Тайга стала для меня чужой. Пора умирать!»

«Я стал уставать от людей и многого не понимаю, чего они хотят и почему так озлоблены друг на друга... Мое желание — закончить обработку своих научных трудов и уйти, уйти подальше, уйти совсем — к Дерсу!»

В 1929 году Арсеньев отказался от предложения торжественно отметить 30-летие своей работы на Дальнем Востоке. Старых друзей становилось все меньше. Недруги писали доносы...

«Наконец 4 сентября дождь перестал. Тогда мы собрали свои котомки и после полудня... выступили в дальний путь», — говорится в книге «Дерсу Узала». 4 сентября 1930 года душа Арсеньева отправилась в последний, самый дальний путь. Писатель и ученый скончался во Владивостоке от воспаления легких, полученного в последнем походе (в низовьях Амура Арсеньев проводил изыскания, связанные с прокладкой железных дорог). Своих главных трудов, посвященных жизни удэгейцев и древней истории Уссурийского края, он так и не завершил.

МОЕ ЖЕЛАНИЕ — ЗАКОНЧИТЬ ОБРАБОТКУ СВОИХ НАУЧНЫХ ТРУДОВ И УЙТИ, УЙТИ ПОДАЛЬШЕ, УЙТИ СОВСЕМ — К ДЕРСУ!..

ВЛАДИМИР АРСЕНЬЕВ

*11
Владимир Арсеньев (третий слева) с сотрудниками Хабаровского краевого музея. Декабрь 1925 года.

*12
Арсеньев и Дерсу: навсегда вместе. Город Арсеньев Приморского края.

ПОСЛУЖНОЙ СПИСОК

- 10 сентября 1872 года.** Родился в Санкт-Петербурге в семье железнодорожного служащего
- 1895 год.** Окончил Петербургское пехотное юнкерское училище
- 30 января 1896 года.** Присвоен чин подпоручика
- 14 мая 1900 года.** Присвоен чин поручика, переведен на службу во Владивосток
- 1900-е годы.** Начало экспедиционной деятельности, продолжавшейся 30 лет
- 22 марта 1905 года.** Присвоен чин штабс-капитана
- 27 октября 1907 года.** Награжден орденом Святого Владимира 4-й степени
- 17 апреля 1912 года.** Присвоен чин капитана
- 19 мая 1913 года.** Пожалован чин подполковника
- 4 сентября 1930 года** умер от паралича сердца, вызванного воспалением легких

